

Он был человеком судьбы

Дело окончилось фарсом. В прошлую пятницу Госдума решила почтить память художника Бондарчука вставанием. Все встали, а — естественно — Жириновский нет. Дальше депутаты стали спорить: не пускать сидячего на трибуну три дня!.. Но это уже не интересно. Грустно, противно.

То, что Сергей Бондарчук являлся (и является) заметной и значительной фигурой в российской культуре, — сомнений не вызывает. То, что личность его настолько же крупная, насколько и противоречивая, — тоже.

Но всякий раз наши споры и прения из «культурных» и творческих превращаются в «политические» и «идеологические» — и дело немедленно сводится к фарсу, к балаганчику, в котором узнаваемы все маски. Увы. Бондарчук тоже когда-то не избегал этих споров. А «идеология» никогда не бывает «справедливой». Тем более, когда художник сам попадает под ее колесо.



Евгений Матвеев:

— С Сергеем Федоровичем мы были знакомы очень хорошо и близко. Не было торжественных дней, которые мы не встречали бы вместе. Я бывал у него дома, он — у меня.

Сейчас очень трудно говорить... Он был гигант — и человек, и художник. Глыбича! В какой масштаб его все время кидало, в какую литературу! И всегда удавалось донести уровень этой литературы... Но та реакция, которая теперь звучит, — мне кажется, многим через какое-то время будет стыдно за сегодняшнее. Ведь даже в некрологе — не буду называть, где, — и то лягнули: дескать, последние три серии «Войны и мира» не имели такого успеха, как первые.

Этого он не мог пережить. Так топтаться, издеваться над художником, как издевались над ним, — по-моему, мировая практика такого не знает.

Дело даже не в том, что ему не могли простить тех званий, должностей и наград. Ведь он жил в свой век, верил — мы же, и он, и я волевали за все это... Он работал как проклятый, работал, сжигая себя, создавал полотна такого масштаба, как никто.

Думаю, ему завидовали все — его таланту, успеху. Успеху не только внутри страны, но и на международных фестивалях. А он человек был сильный, крутой — огрызал

ся, чем еще больше вызывал негативную реакцию. Он никогда не подыскивал слова, чтобы сказать дураку, что он дурак. Естественно, что это многим не нравилось.

Резкость суждения была формой защиты. Как человек тончайшей натуры, он был очень раним.

В последнее время он работал в Италии, и мы общались меньше. Видеть его было больно. Что я мог сделать? Утешать?

Он снимал «Тихий Дон». Здесь, когда он объявил, что будет ставить «Тихий Дон», — началась травля. Я никогда не забуду тогдашнее выступление «Огонька»: «Кому нужен «Тихий Дон»? Кому нужен Шолохов? Кому нужен Бондарчук?» Денег ему, конечно, не дали. А вот итальянцы сказали: «Ставьте!» Как обычно: в своем отечестве пророков нет. И он был вынужден делать фильм не с русскими актерами: продюсер дает деньги, продюсер и указывает, кто будет играть. Он сделал 12-серийный фильм. Насколько рассказывали те, кто видел снятый материал, — это грандиозно. Но работа так и не была закончена. Ни смонтировать, ни озвучить — ничего этого он не успел...

Людмила Савельева:

— Для меня известие о его смерти было страшным уда-

ром. В моем представлении он был глыбой, человеком огромным, великим: ничего не боялся, никогда не приспосабливался, говорил то, что думал, — казалось, такой умереть никогда не может...

С Сергеем Федоровичем у меня связано очень многое — именно он привел меня в кино (я же балерина). Первую роль, Наташу Ростову, я сыграла у него.

Это была очень долгая работа — шесть лет. Мы все успели сдружиться. Ведь режиссер он замечательный, и на съемочной площадке была такая особая атмосфера, когда играть легко. И из актеров он умел вытаскивать такие вещи, о которых те даже не подозревали.

Однажды мне надо было сыграть очень тяжелую сцену: Наташе не дали бежать с Курагиным, она лежит, закрыв голову руками, не хочет жить, рядом — тетка Ахросимова. Сергей Федорович сделал очень много дублей, обращая внимание лишь на актрису, которая играла Ахросимову. Ей говорит: «Умница», а мне ни слова. Я же не знаю, как играть истерику, как нужно плакать. И в конце концов, обиженная, расстроенная, я выдала истерику самую настоящую. И тогда стали снимать меня. Только потом я поняла, что Сергей Федорович этого как раз и добивался.

Мне было тогда 18, но когда закончился фильм, мне казалось, что заканчивается и моя жизнь...

Потом мы с ним пересекались не так часто. А вот несколько лет назад ездили вместе в Норвегию. Это было уже после перестройки, когда на него начались эти нападки.

Мне всегда казалось, что он человек необыкновенно крепкий, защищенный. Но, помню, в самолете развернул какую-то газету, а там — про него статья, ужасная, некрасивая. Про то, что его режиссерские работы бездарны. Некий критик советовал Бондарчуку «не лезть в режиссуру». Смотрю: он сидит весь белый. Я всегда думала: он же знает себе цену, ведь фильмы-то снимал потрясающие, великие. И, казалось бы, такой человек не должен обращать внимания на эти мелкие укусы. Но он страшно страдал. Я только тогда поняла, насколько ему больно

Записала
Ирина ХМАРА.